

- Мамардашвили 1992 – *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. Изд. 2-е. Москва, 1992.
- Мамардашвили 2004 – *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Москва, 2004.
- Пропп 1969 – *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Москва, 1969.
- Свасьян 1989 – *Свасьян К. А.* Гёте. Москва, 1989.
- Смирнов 2001 – *Смирнов С. А.* Культурный возраст человека. Философское введение в психологию развития. Новосибирск, 2001.
- Флоренский 1990. – *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. Москва, 1990.
- Флоренский 2004 – *Флоренский П. А.* Собрание сочинений. Философия культуры. Опыт православной антропологии. Москва, 2004.
- Флоренский 2011 – *Флоренский П. А.* Имена. Москва, 2011.
- Холквист, Кларк 1995 – *Холквист М., Кларк М.* Архитектура ответственности // Философские науки. 1995. № 1. С. 9–35.
- Morson, Emerson 1990 – *Morson G. S., Emerson C. Mikhail Bakhtin.* Creation of a Prosaics. Stanford: University Press, 1990.

Материал поступил в редакцию 15.08.2014

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ СМЕНЫ КООРДИНАТ

О. А. Донских

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В сообщении рассматривается вопрос о том, как метафора работает при переходе от одной понятийной схемы к другой. Для этого различаются два уровня – нарративный и конструирующий – и показано, что образ, лежащий в основе метафорического сопоставления, позволяет задавать новые координаты мыслительных схем. Именно через визуализацию метафора даёт возможность осуществить активный выбор того элемента значения или нового значения, которое необходимо для представления новой системы отношений. На примере фрагментов Гераклита демонстрируется разрыв с традиционной мифологической метафорикой рождения, причём Гераклит использует три метафоры, относящиеся к разным повседневным практикам. И затем на примере учений Парменида и Платона показано, как с помощью метафор колесницы и пещеры происходит прорыв к новой, идеальной (занебесной) реальности и затем упорядочивание новой системы понятий, включающих изменчивое и неизменное, демиурга, истину, просвещение и др.

Ключевые слова: нарративная метафора, конструирующая метафора, древнегреческая философия, Гераклит, Парменид, Платон.

METAPHOR AS A WAY TO CHANGE COORDINATES

Oleg Donskikh

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia

The paper considers the question of how metaphor works in the transition from one conceptual scheme to another one. For this there are two levels – narrative and constructive – and it is shown that the image of the underlying metaphorical mapping allows to specify the new coordinates of mental schemes. It is through visualization metaphor provides the possibility of the active choice of the part of the meaning or the new meaning that is to be introduced into the new system of associations. For example, fragments of Heraclitus demonstrate the break with the traditional mythical metaphor of birth, and Heraclitus uses three different metaphors related to different everyday practices. Then on the instances of the doctrines of Parmenides and Plato it is shown how using the metaphor of a chariot and a cave the breakthrough to the new ideal (transheavenly) reality is arranged, and then ordering a new system of concepts, including variable and constant, the demiurge, truth, enlightenment, etc.

Keywords: narrative metaphor, constructive metaphor, Ancient Greek philosophy, Heraclitus, Parmenides, Plato.

Когда прибегают к старому слову, то оно часто устремляется по каналу рассудка, вырытому букварём, метафора же прорывает себе новый канал, а порой пробивается напролом.

Г. К. Лихтенберг. Афоризмы

Общее понимание метафоры состоит в том, что это такая фигура речи, когда говоря об одном, мы имеем в виду другое.

Я не буду вдаваться в более глубокое определение метафоры и представлять аргументы в пользу той или иной теории. Больше того, я даже не буду обращаться к естественному в контексте данной конференции понятию «визуальной метафоры» (прекрасные примеры которой можно найти у Рене Магритта).

Я хочу обратить внимание на образную структуру метафоры. И я предполагаю защищать три тезиса:

- 1) Метафора работает через образ, более того, она требует яркой визуализации образа для того, чтобы быть воспринятой.
- 2) Существуют по крайней мере два уровня, на которых работает метафора в тексте, – относящийся к языку (нарративный), второй – к мысли говорящего (конструирующий).
- 3) Метафора на втором уровне необходима для смены координат и соответствующего перехода от одной картины мира к другой.

Дело в том, что для постижения абстрактного мы обращаемся к конкретному образу и через него уже, отнимая его конкретные черты, понимаем абстрактное. В метафоре перенос исключает множественность, выбирая одно качество. «Жизнь есть сон» – богатство жизни сводится к грёзе.

Дэвидсон справедливо говорит о том, что метафоры не создают новых значений, что они «означают только то (или не более того), что означают входящие в них слова, взятые в своём буквальном значении» [Дэвидсон 1990, 173]. Однако метафоры заставляют переосознавать привычные значения. А это, в свою очередь, заставляет оживлять уже стёршийся образ, стоящий за значением. Возьмём пример – «стальные волны размеренно катились одна за другой». Что здесь означает слово «стальные»? Понятно, что не «металлические». Мы берём здесь серо-блестящий цвет и ощущение тяжести, связанные со сталью. То есть мы отбираем определённые признаки (или признак), содержащиеся в обычном употреблении слова «сталь», но убираем из него статичность металла. Но для того, чтобы эту операцию проделать, нам необходимо оживить как образ стали, так и образ моря, сравнить их и выбрать совпадающее. *Через визуализацию метафора позволяет осуществить активный выбор того элемента значения, которое нам нужно.* Метафора не создаёт новых значений, но, соединяя разные семантические поля, усиливает определённые связи. Важно обратить внимание на то, что метафора, благодаря своей образности, позволяет задавать новые смысловые связи. Это происходит на уровне плана содержания, или, как это определяется в словарях, на уровне выяснения внутреннего элемента языкового знака.

В процессе прояснения значений и пересечений семантических полей выстраивается иная система смысловых отношений, референтным уровнем

которой является не семантический план языка, но определённая концептуальная система. Мы можем в этом контексте говорить о системе понятий в контексте теологии, философии, науки.

Основной тезис моего сообщения состоит в том, что при формировании понятийных фреймов метафоры играют принципиальную, если не решающую роль. На уровне концептуальном, который задаётся рефлексией по отношению к языковому плану содержания, визуализация работает иначе, нежели на уровне отдельных значений. Конструирующая метафора позволяет переустраивать систему привычных понятий, создавая новые отношения.

Я возьму два развёрнутых примера из античной философии. Один из них относится к периоду перехода от уровня здравого смысла (на том этапе интеллектуального развития речь идёт о привычном мифологическом уровне сознания) к философскому представлению.

Итак, у нас есть не формулируемое, но вполне осознанное представление о том, что истину следует искать в становящемся материальном мире (чем, собственно, заняты физиологи – от «фюсис» – природа, становящееся). И задача здесь – понять, как происходит переход от одного к другому. Эта задача решается с помощью метафор, которые позволяют размышляющему убедительно продемонстрировать новые возможности понимания.

Разумеется, античные философы утверждают свои взгляды, сознательно резко противопоставляя их привычному мирознанию. Гераклит не случайно так подчёркивает образ войны – царя всего. По-видимому, нельзя более жёстко эпатировать здравый смысл, утверждая нечто, совершенно ему противоречащее. Можно в этой связи вспомнить и Парменида с Зеноном и их утверждение, что движения в принципе нет. Но метафоры позволяют сделать это противопоставление убедительным, обращаясь к образам, которые должны в народном сознании сменить привычные существующие.

Гераклит, уходя от впитанный с молоком матери и уже стёртой, т. е. существующей на уровне здравого смысла, метафоры рождения, естественной, как воздух, для мифологического сознания, утверждает, что космос не рождён, но есть вечное движение: «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий» [Лебедев 1989, 217]. Но ведь в действительности мы видим не огонь (та же проблема возникает при утверждении других элементов – воздуха или воды). Поэтому сначала нужно объяснить, как из огня могут возникнуть и возникают остальные элементы. Гераклит представляет дело через метафору: из огня всё возникает «подобно тому, как плавят золотой песок» [Лебедев 1989, 221]. Огонь оказывается состоящим из тончайших частиц (которых физически мы в нём не видим), поэтому из него и могут возникнуть остальные. Но этот образ мало динамичен и не позволяет построить адекватную картину: золотой песок расплавился и стал жидким, потом застыл. Но отсюда не получается противоположного. В дополнение к этому образу Гераклит прибегает к метафоре пути – «путь вверх-вниз один и тот же»: всё переходит во всё и обратно. Стоит обратить внимание, как это представляет Диоген Лаэртский: «Изменение есть путь вверх и вниз, и по нему возникает мир. Именно, сгущающийся огонь исходит во влагу, уплотняется в воду, а вода крепнет и оборачивается землёй – это путь вниз. И с

другой стороны, земля рассыпается (в переводе Лебедева – «тает, плавится»), из неё рождается вода, а из воды всё остальное (при этом почти всё он сводит к морским испарениям) – это путь вверх» [Диоген 1986, 335]. Стоит обратить внимание на пояснение по поводу морских испарений: здесь мы имеем дело с конкретным легко представимым образом пара, поднимающегося вверх.

Гераклит пользуется ещё одной метафорой для объяснения перехода одного в другое – метафорой товарообмена. Всё может меняться на всё, как золото. «Под залог огня все вещи, – говорит Гераклит, – и огонь [под залог] всех вещей, словно как [под залог] золота – имущество и [под залог] имущества – золото» [Лебедев 1989, 222]. Это совершенно другой образ, причём, в отличие от бессубъектных предшествующих метафор, подразумевающий кого-то, кто стоит за обменом. Поэтому некоторые комментаторы и проясняют эту метафору именно так (хотя это может быть уже и более позднее влияние платоновского подхода). Гераклит-Аллегорист пишет: «...А демиургом, когда всё должно было образоваться [сформоваться], поставил Гефеста, т. е. горячую субстанцию...» [Лебедев 1989, 223]. Но для того, чтобы убрать демиурга, предоставив природу самой себе, оказалось необходимым прибегнуть к образу периодического кругового движения, причём усиленного политической метафорой. Для этого представления берётся образ мирового пожара – экипирозис (экипироза), периодически сменяющего диакосмезу – равноправие элементов. Монархия сменяет демократию, и наоборот. Референция здесь не случайно берётся из политики. Ведь в конечном итоге основная проблема философии – это проблема справедливости в конкретном политическом контексте. Можно говорить, что к этому моменту Гераклит уже совершенно сменил координаты, покинув ту мифологию (т. е. здравый смысл), от которой он должен был уйти.

Не менее, а даже более яркий пример – использование метафор для того, чтобы продемонстрировать интеллектуальный выход на уровень неизменного, постоянного, того, что стоит за видимыми изменениями, того, что позже у Платона будет обозначено как мир идей.

Первая метафора этого рода встречается у Парменида. Противопоставляя Дике и Афродиту, он фактически противопоставляет осознанную метафору рождения и метафору выхода за пределы этого видимого круга рождений. Он так говорит об Афродите: «...в середине их – богиня, которая всем правит: Она зачинает проклятое рождение и совокупление всех существ» [Лебедев 1989, 293]. Выход за эти пределы можно осуществить только с помощью разума. Как известно, богиней, ведущей его путём истины, выступила богиня мировой справедливости Дике. Но для того, чтобы прорваться к ней из земного состояния, необходимо сделать огромное усилие. И здесь приходит образ колесницы, несомой могучими конями:

Кони, несущи меня, куда только мысль достигает,
Мчали, вступивши со мной на путь божества многовещий,
Что на крылах по Вселенной ведёт познавшего мужа.
Этим путём я летел, по нему меня мудрые кони,
Мча колесницу, влекли, а Девы вожатыми были.
Ось, накалившись в ступицах, со скрежетом тёрлась о втулку,
(Ибо с обеих сторон её подгоняли два круга,

Взверченных вихрем), как только Девы Дочери Солнца,
Ночи покинув чертог, ускоряли бег колесницы
К Свету, откинувши прочь руками с голов покрывала.
Там – Ворота путей Дня и Ночи, объемлемы прочно
Притолокой наверху и порогом каменным снизу,
Сами же в горнем эфире – закрыты громадами створов,
Грозно возмездная Правда ключи стережёт к ним двойные.

[Лебедев 1989, 295]

Отметим, что «Правда» в этом контексте и есть Дике. И так, для того, чтобы встретиться с истиной, нужен прорыв в новое пространство.

Этот образ в развёрнутом виде мы встречаем затем у Платона. Он тоже говорит об истине, находящейся за пределами видимого мира. В диалоге «Федр» он так представляет этот горный мир: «Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да никогда и не воспёт по достоинству. Она же вот какова (ведь надо наконец осмелиться сказать истину, особенно когда говоришь об истине): эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчому души – уму; на неё-то и направлен истинный род знания» [Платон 1970, 183]. И несут душу вверх кони (как и у Парменида), один конь соприроден уму и тянет душу вверх, к истине, второй противоположен первому по рождению и тянет душу вниз.

У богов же кони таковы, что они носят своих возничих по кругу, и бог видит занебесную область, он созерцает «самоё справедливость, созерцает рассудительность, созерцает знание – не то знание, которому присуще возникновение и которое как иное находится в ином, называемом нами сейчас существующим, но подлинное знание, содержащееся в подлинном бытии» [Платон 1970, 183]. А остальные (не боги, смертные) не могут пребывать там – они поднимаются к занебесной области, но тут же опускаются вниз. «Вслед за ними остальные души жадно стремятся кверху, но это им не под силу, и они носятся по кругу в глубине, топчут друг друга, напирают, пытаясь опередить одна другую. И вот возникает смятение, борьба. От напряжения их бросает в пот. Возничим с ними не справиться, многие калечатся, у многих часто ломаются крылья» [Платон 1970, 183–184].

Но метафора колесницы подчёркивает только одну сторону дела – прорыв к истине, который требует страшных усилий. Она позволяет представить путь туда и обратно и, соответственно, место отправления (видимый земной мир) и место назначения (занебесная область, представленная как обитель истины).

Более развёрнутая метафора, которая переводит этот образ в план познания истины, – это, конечно, метафора пещеры. С помощью этой метафоры Платон соединяет Гераклита с его потоком сущего и Парменида с его различением истины и мнения (бытия, воспринимаемого разумом и мира ощущений) и вводит новое понимание соотношения истинного и неистинного. Для того, чтобы правильно понять контекст, в котором появляется образ пещеры, следует обратиться к главной задаче, обсуждаемой в диалоге «Государство», – идее построения справедливого общества. Об этом хорошо пишет Вернер Йегер: «Высший смысл государства – пайдейя, т. е. систематическое устройство жизни в согласии

с определёнными принципами, подчиняющее всех индивидуумов абсолютной норме» [Йегер 2001, 52]. Устами Сократа Платон обосновывает идею, что невозможно правильно организовать государство, осмысливая лишь очевидную данность, повседневность. Человек должен принципиально перестроиться, родиться заново, в чём и состоит принцип сократовской маевтики. Именно в этом должно, по мнению Платона, состоять образование. Русское слово «образование» хорошо передаёт смысл данного понятия – человек должен быть создан как человек, образован, сформирован. Это процесс, а не результат. Не случайно в позапрошлом веке слово «образованный» означало то, что в современном языке означает слово «культурный». Для греческой пайдеи характерно то, что она «исходит не из отдельного, а из идеи. Выше человека – стадного животного и человека – мнимо автономного Я стоит человек как Идея: так всегда смотрели на него греки-воспитатели, подобно грекам-поэтам, художникам и исследователям. Однако «человек как идея» означает «человек как общезначимый и обязывающий образец своего вида». Отпечаток сообщества, накладываемый на отдельное лицо, который мы поняли как сущность воспитания, исходит у греков – всё более осознанно – из такого образа человека и в непрестанной борьбе ведёт к философскому обоснованию и углублению проблемы воспитания, – с такой основательностью и целесообразностью это не достигалось нигде более» [Йегер 2001, 8]. В таком ключе метафора пещеры обретает более важный смысл, чем только для теории познания.

Мартин Хайдеггер указывает, что притча о пещере как раз и рисует существо образования (просвещения-пайдеи). «Пайдеия означает обращение всего человека в смысле приучающего перенесения его из круга ближайших вещей, с которыми он сталкивается, в другую область, где является сущее само по себе» [Хайдеггер 1993, 350]. Получается, что смысл пайдеи в переходе из одного духовного состояния (местопребывания личности) в другое. Платон говорит в «Государстве» о просвещённости и об истине, противопоставляя своё понимание пониманию других. Он говорит, что «просвещённость – это совсем не то, что утверждают о ней некоторые лица, заявляющие, будто в душе у человека нет знания и они его туда вкладывают, вроде того, как вложили бы в слепые глаза зрение... Но как глазу невозможно повернуться от мрака к свету иначе чем вместе со всем телом, так же нужно отворотиться всей душой от всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нём всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо» [Платон 1971 а, 325–326].

Теперь обратимся к понятию истины. Алетейя – непотаённое, не скрытое. Казалось бы, поскольку бытие скрыто и может быть обнаружено только путём прорыва сквозь материальное, оно не может быть истиной. Что же в этом случае истина? Хайдеггер показывает, как последовательно меняется значение «непотайного», когда истина становится всё более и более очевидной. Сначала это тени проносимых мимо пещеры предметов (τὰ ἀληθῆς – это тени); это истина для жителей пещеры. Потом, без оков человек видит предметы в мерцающем свете огня – это несколько ближе к сущему, потому что это истина уже для повернувшегося к ней, хотя ещё и не видящего её в полном свете. Выходя из плена теней, человек подходит к тому, что является более «непотайным» (ἀληθέστερα). Здесь вещи оказываются видимыми при свете дня –

это истина для того, кто уже видит в окружающем отражённое солнце. Это следующая ступень непотаённости. И, наконец, последняя ступень – это постоянная обращённость к тому, что явлено в своём виде, т. е. не в отражённом свете, а само по себе – «непотайнейшее». Это и есть высшая истина. Здесь уже ничего не меняется, поток не затмевает сознания.

Но остается вопрос: как мы можем хотя бы предварительно понимать поток жизни? Ответ состоит в том, что мы узнаём в нём виденные душой хотя бы мельком идеи, составляющие непотаённое бытие. Но откуда и как эти идеи попадают в этот поток?

И здесь новая метафора – демиурга, божественного ремесленника. Он создаёт Космос, созерцая истинное неизменное бытие. «Если космос прекрасен, а его демиург добр, ясно, что он взирал на вечное» [Платон 1971 б, 469]. И благодаря работе демиурга появляется материальный мир: «Итак, телесным, а потому видимым и осязаемым – вот каким надлежало быть тому, что рождалось. Однако видимым ничто не может стать без участия огня, а осязаемым – без чего-то твёрдого, твёрдым же ничто не может стать без земли. По этой причине бог, приступая к составлению тела Вселенной, сотворил его из огня и земли» [Платон 1971 б, 472]. В частности, «он путём вращения округлил космос до состояния сферы, поверхность которой повсюду равно отстоит от центра, то есть сообщил Вселенной очертания, из всех очертаний наиболее совершенные и подобные себе» [Платон 1971 б, 473].

Здесь мы уже переходим к системе: мир идей – демиург – мир вещей – души – тела – ... и так далее. Метафоры позволили представить структурированный образ, уже дальше осмысливаемый в понятиях.

Без метафор этот переход не мог быть осуществлён в принципе, а при своём появлении метафоры в полной мере несут всю силу своей образности, как созревшее и только что открытое вино.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Диоген 1986 – Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. Изд. 2-е. Москва, 1986.
- Дэвидсон 1990 – Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. Москва, 1990. С. 173–193.
- Йегер 2001 – Йегер В. Пайдеия. Воспитание античного грека. Т. 1. Москва, 2001.
- Лебедев 1989 – Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А. В. Лебедев. Москва, 1989.
- Платон 1970 – Платон. Федр / Пер. А. Н. Егунова // Платон. Сочинения. Т. 2. Москва, 1970. С. 157–222.
- Платон 1971 а – Платон. Государство / Пер. А. Н. Егунова // Платон. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. Москва, 1971. С. 89–454.
- Платон 1971 б – Платон. Тимей / Пер. С. С. Аверинцева // Платон. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. Москва, 1971. С. 455–542.
- Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Учение Платона об истине / Пер. В. В. Библихина // Хайдеггер М. Время и бытие. Москва, 1993. С. 345–360.

Материал поступил в редакцию 01.09.2014